

Перевод

Получено в Лиге Наций — 6 июня 1935 г.
Москва, 2 июня 1935 года.

Господин,

Я получил ваше письмо от 24 мая, в котором сообщалось о частичном обновлении состава Международного комитета по интеллектуальному сотрудничеству, а также о моем назначении членом Комиссии.

Я проявляю большой интерес к работе Комиссии и с удовольствием приму в ней участие.

Пожалуйста, примите, сэр, выражение моего глубочайшего уважения.

Председатель Центрального управления экономической и социальной статистики Госплана СССР

[подпись Оболенский — Осинский]

г-н Ж. Авенолю, Генеральному секретарю Лиги Наций. ЖЕНЕВА.

Приложение № 2

«Известия Центрального исполнительного комитета Союза ССР
и Всероссийского Исполнительного комитета советов», № 179 (5732).

От 2 августа 1935 г.

Н. ОСИНСКИЙ НА ЗАСЕДАНИЯХ ЖЕНЕВСКОЙ «КОМИССИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА»

15–20 июля в Женеве происходила Комиссия интеллектуального сотрудничества — это, выражаясь обычным для нас языком, комиссия культурной связи между государствами, входящими в состав Лиги Наций. Задача ее — «развивать сотрудничество народов во всех областях духовной жизни,

дабы обеспечить международное согласие ради сохранения мира». Для осуществления этой задачи Комиссия содействует обмену культурными силами и ценностями: обмену преподавателями и между высшими учебными заведениями отдельных стран, поездкам студентов из одной страны в другую, обмену информацией по вопросам культуры, художественными выставками и т.п. Она помогает библиотекам, музеям, архивам налаживать между собою связь. Она содействует работе международных научных съездов, поддерживая связь с международным советом этих съездов. Она устраивает международные собеседования-диспуты по отдельным культурным проблемам (об искусстве, о народном образовании и пр.), производит обследования на такие же темы и пр.

Отдельно стоит политико-правовая деятельность Комиссии — подготовка проектов различных договоров и конвенций по вопросам культуры. На данной сессии докладывались, например, проекты конвенций, регулирующих радиовещание, авторское право, а также своеобразный проект двустороннего договора об устранении из учебников истории мест, могущих возбуждать недружелюбное отношение к одной из договаривающихся сторон.

На первый раз нам пришлось принять в работах Комиссии по преимуществу информационное участие, в особенности поскольку речь шла о проектах конвенций (что и было нами формально заявлено).

Все же в обсуждении двух вопросов нам пришлось принять более активное участие. Оба эти вопроса одновременно возбудили наибольшие споры. Первый из них — это упомянутый выше проект двустороннего договора насчет учебников истории. Хотя и в этом случае нам пришлось наперед оговориться, что данный проект в СССР не рассматривался, а потому мы не можем участвовать в его голосовании, однако, в порядке

предварительного и личного суждения, нами были сделаны некоторые замечания. Они сводились к глубоким сомнениям в целесообразности и практической ценности принятия такого типового проекта. Это означало бы рекомендовать отдельным государствам приукрашивать и, так сказать, «причесывать» историю — иногда в угоду более могущественному государству, совершившему ряд исторических несправедливостей над более слабым. При заключении подобного договора между СССР и Китаем, говорили мы, по смыслу данного проекта из китайских учебников истории должны были бы быть вычеркнуты все упоминания о насилиях, совершенных российским империализмом над китайским народом, о боксерской экспедиции, захвате Манчжурии и т.п. СССР не только в этом не нуждается, ибо не считает себя ответственным за подвиги старого режима, но и вообще подобные предложения вряд ли можно рекомендовать и поддерживать; историческая правда таковой и должна оставаться. К тому же подобный тип договора при нынешних условиях имеет шансы на осуществление лишь между государствами, находящимися в равных и дружественных отношениях, и в этом случае он практически не имеет значения. А между государствами, находящимися в отношениях недружественных, он вряд ли имеет шансы быть заключенным.

Как уже отмечено, вокруг этого вопроса разгорелась оживленная дискуссия. Подавляющее большинство делегатов поддерживало высказанную нами точку зрения. В особенности энергично поддерживали свое право констатировать историческую истину профессор истории, каковых очень много в составе членов Комиссии. Особенно характерным было выступление китайского делегата. Он отметил, что если начать говорить об «исправлении» учебников в угоду другому государству, то вслед за историей может выступить

на сцену и экономика, а в Китае речь может пойти и о географии. «Я очень прошу поэтому Комиссию, — сказал он, — оставить на своем собственном попечении китайских профессоров истории: так будет гораздо лучше».

Результатом прений оказалось то, что проект вовсе не был поставлен на голосование и был заменен проектом составленной в весьма общих чертах декларации на данную тему, к которой присоединятся те или иные государства.

Вторым пунктом, вокруг которого развернулась еще более оживленная дискуссия, была программа одного из обследований, намеченных к проведению Институтом интеллектуального сотрудничества (при Комиссии имеется постоянный действующий оперативный орган — Институт интеллектуального сотрудничества в Париже; председатель совета института состоит Эдуард Эррио¹ — он же является одним из виднейших членов Комиссии).

Темой обследования было отношение машины и человека («Машина лицом к лицу с человеком» или «Машина и человек» — *La machine devant l'homme* или *La machine et l'homme*). Конкретнее она расшифровывалась как «Приспособление механизации к условиям человеческого труда». В основе лежало следующее определение механизации: «Механизация есть факт опыта, состоящий в том, что органическое в труде вспомоществуется, продолжается, восполняется и заменяется механическим; также в том, что средства человека расширяются за пределы его органических возможностей; это ведет к ускорению труда, следствием которого является расширение производства в количествах, дотоле неизвестных».

Крупнейшие недочеты этого определения бросались в глаза. Оно сводит

развитие производственной техники к одной только механизации, тогда как электрификация, с одной стороны, развитие химических процессов производства, с другой стороны, этим понятием целиком не покрываются. Человеческий труд объявляется исключительно органическим процессом, тогда как физический труд всегда является превращением биологической энергии в механическую, превращением, которое направляется и контролируется психической деятельностью человека (именно это превращение биологической энергии в механическую было отправной точкой для упрощенного и одностороннего построения Деламентри² о «человеке-машине»). В то же время, по смыслу определения, выходит, что механизмируется не объективный производственный процесс, а самый труд человека. И недаром в заключении оказывается, что расширение производства есть следствие ускорения труда, а не ускорения объективных производственных процессов; между тем абсолютно ясно, что хотение хода машин или действия производственного оборудования вообще может влечь за собой как интенсификацию, так и ускорение трудовых процессов³, но именно первое, а не второе непосредственно определяет «расширение производства в количествах, дотоле неизвестных».

Уже цитированная выше формулировка механизации носит отпечаток той машинобоязни, которая в эпоху всеобщего кризиса капитализма стала характерной для европейских предпринимателей, рабочей аристократии,

² Современное примечание от редакции журнала «Русская политология»: имеется в виду французский философ Жюльен Офре де Ламетри (1709–1751) и его трактат «Человек-машина» (*L'homme machine*). Трактат впервые был издан в 1747 году в Лейдене.

³ Кстати сказать, это не обязательно: при большой степени автоматизации производственного процесса роль человека, обслуживающего машины, сводится к наблюдению, контролю и регулированию, с одной стороны, монтажу, ремонту, текущей наладке, с другой стороны.

¹ Современное примечание от редакции журнала «Русская политология»: Эдуард Эррио (1872–1957) — французский государственный и политический деятель, писатель, историк, публицист, академик.

мелкой буржуазии и некоторых слоев интеллигенции. Более усовершенствованная, более производительная машина должна усилить перепроизводство, — вот чего преимущественно опасаются одни; она усилит безработицу и конкуренцию мелким предприятиям, — вот о чем заботятся другие; она механизует, обезличит человека, — вот о чем пекутся третьи. В общем получается некоторый блок разнообразных общественных элементов, устремления которого никак нельзя назвать социально-прогрессивными.

Не только в приведенном определении, но и в том, что обследование предполагалось направить лишь по руслу темы «Машина и человек», а не по руслу, скажем, «Современные тенденции развития индустриальной техники, ее достижения и ее влияние на судьбы рабочего класса», сказывались элементы указанной «машинобоязни». Это и побудило нас выступить с критическими замечаниями относительно содержания намечаемого обследования и теоретического определения, положенного в его основу. В ходе этого выступления, кроме изложенного выше, пришлось отметить, что у нас, в СССР, всякий страх перед машиной отсутствует. Он отсутствует потому, что машина у нас не является частной собственностью и средством повышения прибылей, а рабочий не является привеском машины, но коллективным ее хозяином, как член социалистического общества. Рост применения машин и автоматизации производственного процесса вообще (вот термин, который лучше характеризует суммарный технический процесс, чем термин «механизация») не ведет у нас к росту безработицы, а к росту общественных производительных сил и общего благосостояния. И, вообще говоря, не может быть признана социально-прогрессивной такая точка зрения, которая связана с боязнью машины и сосредоточивает внимание только на отрицательных сторонах расширенного

применения машины в капиталистических условиях. Если на очередь ставится вопрос о машине, то первая проблема, которую надо исследовать в этой связи, есть «Современные тенденции в развитии промышленной техники», в смысле изучения новейших ее завоеваний. Это не исключает, конечно, исследования второй проблемы — влияния технических усовершенствований на судьбы рабочего класса. Но только в том случае можно правильно исследовать вторую проблему, если предпослать этому исследование первой.

Наши замечания вызвали оживленную дискуссию, частью основанную на недоразумениях. Так, один из делегатов принял наше замечание о том, что человеческий труд является не только органическим процессом (и наше упоминание о Деламенттри), за чисто механическое понимание процесса труда; он возражал указаниями на значение психологических его элементов. Другой делегат, поддерживая первого, распространился на излюбленную в некоторых заграничных кругах тему о «культе машины», якобы господствующем в СССР. Третий делегат, отчасти поддерживая нас, предложил переформулировать задачу исследования и изучать «современную механизацию, ее формы и последствия — экономические и социальные». Ему возражали, что изучение всех экономических и социальных последствий механизации сделает обследование слишком широким и расплывчатым.

По данному вопросу выступил также и Эдуард Эррио. Он отрицал, что в формулировке заданий обследования сказывается страх перед машиной. Как можно бояться машины? — говорил он. Машина есть факт и очень древний факт. Когда Архимед изобрел рычаг, он изобрел первую машину. Человек является творцом, изобретателем, усовершенствователем машины. Она — дело его рук, его ума. Нельзя бояться машины, но можно быть озабоченным

некоторыми результатами ее распространения. Для разных стран, разных наций рост машинизма может иметь различные последствия. Одно дело СССР — страна, где население увеличивается в год на 3 миллиона человек и где потребительский спрос далеко еще не достиг насыщения. И другое дело западноевропейские страны, где население стабилизируется и уровень потребления близок к равновесию. Вот почему и представляется полезным изучить действие механизации на положение трудящегося человека и притом конкретно, по отдельным странам.

Пришлось еще раз взять слово пишущему эти строки, дабы осветить перед участниками сессии разницу между механистическим и диалектическим материализмом, отметить, что «культ машины» является досужей фантазией некоторых газетных корреспондентов и заграничных «специалистов по советским делам», констатировать неточность суждений о машине г. Эррио (отождествление орудия труда и машины), заявить, что в социалистическом обществе никакой озабоченности распространением машин нет места, как нет предела росту потребительского спроса и т.п. Мы также продолжали поддерживать предложение о том, чтобы во всяком случае тема «Современные тенденции в развитии промышленной техники» была подвергнута изучению.

В итоге всей дискуссии директор Института интеллектуального сотрудничества г. Бонне¹ предложил

¹ Современное примечание от редакции журнала «Русская политология»: Анри Бонне (1888–1978) — французский политик и дипломат, в 1931–1940 годах — директор Международного института интеллектуального сотрудничества.

Комиссии выдвинутую нами тему сделать предметом самостоятельного параллельного обследования. Научно-техническим обществам и печатным органам важнейших стран будет сделано предложение составить для института доклады и записки по указанному вопросу. Возможна организация международного собеседования диспута на основе собранного материала. Пишущий эти строки взял на себя поставить перед соответствующими советскими организациями вопрос об устройстве такого собеседования-диспута в Москве, при чем один из членов Комиссии выразил нам пожелание, чтобы этот диспут был проведен на одном из московских заводов.

Из вышеизложенного — весьма по необходимости краткого и касающегося лишь небольшой части работ Комиссии — отчета о женевской сессии 15–20 июля читатели могут видеть, что установление связи с этим органом является делом небесполезным. Нашему ВОКС (Обществу культурной связи с границей), с одной стороны, и Академии наук, с другой стороны, следует наладить с ним контакт. Такой контакт может иметь не только общекультурное и политическое значение, но и принести конкретную практическую пользу. В частности, организация двумя названными учреждениями упомянутого диспута с участием видных представителей иностранной техники и науки может значительно способствовать ознакомлению СССР с последними достижениями заграничной технической мысли, а также встречному ознакомлению представителей ее с собственными нашими достижениями.